

Театръ и музыка.

Прекрасная, полная внутренняго драматизма драма Ант. Чехова: „Дядя Ваня“ доставила зрителямъ, бывшимъ въ театрѣ 16 сентября, большое наслажденіе. Не заставляя жизнь позировать передъ собою, не выбирая изъ нея эффектныхъ положеній, г. Чеховъ беретъ ее всю, какъ она есть, съ самыми будничными ея проявленіями, со всѣмъ мелкимъ и незначительнымъ, изъ чего въ сущности она и складывается. Перефразируя поэта, скажемъ, что г. Чеховъ, не срывалъ цвѣтовъ для того, чтобы связать изъ нихъ одинъ, яркій и пышный букетъ, а взялъ нѣсколько растений, не отрѣзывая ни корней, ни вѣтокъ и сучьевъ, бережливо перенесъ ихъ къ себѣ, съ запахомъ земли, съ каплями росы, оставшейся между лепестками цвѣтовъ. Авторъ пересадилъ эти цвѣты и они живутъ и долго будутъ жить въ его произведеніи.

Г. Чеховъ въ „Дядѣ Ванѣ“ поставилъ себѣ трудную и опасную задачу: избѣгая внѣшнихъ эффектовъ, схватить такіе моменты жизни, которые отсутствіемъ внѣшняго движенія кажутся менѣе всего подходящими для сцены.

Пьесы у насъ пишутся декоративнымъ, бьющимъ на эффектъ, рѣзкимъ письмомъ, филогранно отдѣлкѣ мелкихъ деталей, миниатюръ, тутъ почти нѣтъ мѣста. Будь у г. Чехова меньше таланта, онъ бы потерпѣлъ со своею пьесой полное фіаско, но, выйдя изъ своей задачи побѣдителемъ, онъ далъ намъ пьесу оригинальную, въ которой герои выхвачены прямо изъ жизни и не носятъ на себѣ тѣхъ ярлыковъ, которые обыкновенно наклеиваютъ на свои шаблоны современные драматурги.

Разыграна драма прекрасно. Лучшаго дяди Вани, чѣмъ г. Шуваловъ, и желать нельзя, артистъ все время живетъ на сценѣ страданьями воплощаемого имъ лица и нервность его игры все время электризуетъ зри-

теля.

Г. Петипа, играя роль доктора Астрова, долженъ былъ сдѣлать это для труппы, но эта роль совсѣмъ не его амплуа. Нельзя ожидать отъ артиста, какъ бы талантливъ онъ ни былъ, чтобы онъ вездѣ былъ одинаково хорошъ. Г. Петипа далъ, что могъ, и далъ не мало, но, блестяще изображая столько лѣтъ салонныхъ фатовъ и львовъ, невозможно разомъ влѣзть въ шкуру земскаго врача-чудака, человѣка съ „надрывомъ“, натуры сложной и неуравновѣшенной.

Роль Телѣгина едва-ли не лучшая въ репертуарѣ г. Наумовскаго, такіе живые люди, какъ его приживаль, не часто смотрятъ на насъ со сцены.

Прекрасны были: г-жи: Днѣпрова, Строева-Сокольская, Карпенко и Кундасова и г. Песопкій.

Въ театрѣ для изображенія молніи примѣнено электричество; это очень эффектно; жаль только, что стихій-

18-го Сентя

ныя явленія, происходящія неизмѣнно въ лѣвомъ переднемъ углу сцены, представляютъ рядъ аномалій, которыми могъ бы заинтересоваться любой метеорологъ; такъ, молнія неизмѣнно сопровождается „пшикомъ“ и послѣ нея нѣтъ грома; проблывавъ разъ 5—6 подрядъ, она дѣлаетъ небольшой антрактъ, послѣ чего опять блескитъ 5—6 разъ, опять антрактъ и т. д. Вѣтеръ силой звука напоминаетъ ураганъ, проносящійся надъ океаномъ, а дождь на двѣ минуты стекаетъ съ одной трубы, такъ кажется по звуку, производимому имъ. Все это можно исправить.

Въ театрѣ, видимо было, довольно много некультурной публики, въ которой нѣкоторые тонкіе штрихи вызывали лишь смѣхъ, что значительно повредило превосходной сценѣ второго акта между женой и дочерью профессора.